

© 2023. *Ольга Деханова*

Москва, Россия

Книга в книге: «Физиология обыденной жизни» Д.Г. Льюиса в романе «Преступление и наказание»

© 2023. *Olga A. Dekhanova*

Moscow, Russia

A Book in the Book: *Physiology of Common Life* by G.H. Lewes in the Novel *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Деханова, кандидат фармацевтических наук, г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>

E-mail: Dh369@yandex.ru

Аннотация: Роман «Преступление и наказание», созданный Достоевским в эпоху либеральных реформ и научных открытий, — это энциклопедия общественной жизни России 60-х годов XIX века. Это было время самых яростных полемик вокруг многочисленных сочинений и статей европейских и, прежде всего, немецких философов и ученых. Однако в большинстве случаев научные открытия трактовались весьма поверхностно, внедряя в сознание людей исключительно атеистическую их трактовку, создавая конфронтацию между наукой и религией. В романе «Преступление и наказание» Достоевский высказывает свою позицию в этом споре, используя в качестве негласного собеседника книгу Генри Льюиса «Физиология обыденной жизни».

Обращение к книге Льюиса прослеживается на протяжении всего романа. Прежде всего, Достоевский проецирует описанные Льюисом симптомы хронического голодания на психическое и душевное состояние Раскольникова. Однако, говоря о воздействии голода на сознание человека, Льюис подразумевал высвобождение примитивных инстинктов. И любое преступление в этом случае можно рассматривать как внешнее или внутреннее влияние физиологических реакций организма. Соглашаясь с Льюисом в отношении существования связи между физическим и душевным состоянием человека, Достоевский категорически утверждает, что «примитивный инстинкт» может и должен быть не потребностью в преступлении, а закон нравственности.

Достоевского тревожил не научный прогресс как таковой, но вопросы научной этики, повсеместный, насильственный и бессмысленный перенос

закономерностей органической природы в область социальных и религиозно-нравственных отношений. Религиозное сознание Сони и ее природный ум, способный осмыслить научные реалии нового мира, — это одна из возможностей сосуществования науки и религии, это то к чему стремился Достоевский.

Эти и некоторые другие вопросы подробно рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: Достоевский, Д.Г. Льюис, Бюхнер, наука, 60-е года XIX века.

Для цитирования: Деханова О.А. Книга в книге: «Физиология обыденной жизни» Д.Г. Льюиса в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 129–146. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-129-146>

Information about the author: Olga A. Dekhanova, PhD in Pharmaceutical Sciences, Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-2216-2548>

E-mail: Dh369@yandex.ru

Abstract: The novel *Crime and Punishment*, created by Dostoevsky in the era of liberal reforms and scientific discoveries, is an encyclopedia of public life in Russia in the 60s of the 19th century. It was the time of the most furious polemics around the numerous writings and articles of European and, above all, German philosophers and scientists. However, in most cases, scientific discoveries were interpreted very superficially, introducing an exclusively atheistic interpretation of them into the minds of people, creating a confrontation between science and religion. In the novel *Crime and Punishment* Dostoevsky expresses his position in this dispute, using the book by Henry Lewes *Physiology of Common Life* as an unspoken interlocutor.

The reference to Lewes' book can be traced throughout the novel. First of all, Dostoevsky projects the symptoms of chronic starvation described by Lewes onto the mental and spiritual state of Raskolnikov. However, speaking about the impact of hunger on human consciousness, Lewes meant the release of primitive instincts. And any crime in this case can be considered as an external or internal influence of the physiological reactions of the organism. Agreeing with Lewes regarding the existence of a connection between the physical and mental state of a person, Dostoevsky categorically argues that the "primitive instinct" can and should not be the need for crime, but the law of morality.

Dostoevsky was not worried about scientific progress as such, but about questions of scientific ethics, the widespread, violent and senseless transfer of the laws of organic nature to the field of social and religious-moral relations. Sonya's religious consciousness, her natural mind, capable of comprehending the scientific realities of the new world, is one of the possibilities for the coexistence of science and religion, this is what Dostoevsky aspired to.

These and some other issues are discussed in detail in this article.

Keywords: Dostoevsky, G.H. Lewes, L. Büchner, science, 1860s.

For citation: Dekhanova, O.A. "A Book in The Book: *Physiology of Common Life* by G.H. Lewes in the Novel *Crime and Punishment*." *Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*, no. 4 (24), 2023, pp. 129–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-129-146>

В 60-х годах XIX века, в эпоху либеральных реформ и научных открытий, в России ощутимо повеяло «свежим ветром перемен». Это было время накопления экспериментальных данных в биологии и клинических данных в медицине. Многочисленные сочинения и статьи европейских и, прежде всего, немецких философов и ученых стали одними из самыми востребованных изданий, особенно в студенческой среде. Ученые, анализируя закономерности строения и развития органического мира, неизбежно соотносили их с существующими философскими и религиозными концепциями или предлагали их новое осмысление. Популяризация научных знаний и демократизация исследовательских практик (доступность методов и оборудования, например, микроскопа) позволяла обширной читающей публике почувствовать личную причастность к научному прогрессу, авторитетно утверждать правоту научных наблюдений и поддерживать выводы автора, даже если они шли вразрез с религиозным миропониманием, или делать свои, опираясь на отголоски общественных полемик. И хотя «не все идеологи науки считали, что наука обязательно конфликтует с религией, многие, как, например, Г. Спенсер, оставлявший за религией “непознаваемое”, полагали, что дело может кончиться после правильного проведения эпистемологических границ сепаратным миром: поскольку “абсолютного мы не можем знать никаким образом и нисколько”, значит, и религию — даже в ее институционализированной форме — можно принять как культурный обычай, необходимый для существования общества» [Раздьяконов, 2017, с. 29], весь этот слишком стремительный прорыв естественно-научных знаний обрушился на, в общем-то неподготовленное, народное сознание, создав наэлектризованную множеством новых мыслей атмосферу невиданной ранее идеологизации жизни. Это в свою очередь породило множество Лебезятниковых, которые «мигом пристают непременно к самой модной ходячей идее, чтобы тотчас же опозлить ее, чтобы мигом окарикатурить всё, чему они же иногда самым искренним образом служат» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 279]. Или таких, как полусумасшедший подпоручик в романе «Бесы», который «разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Мошотта и Бюхнера и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 269].

Цензурные запреты играли в данном случае роль «запретного плода» — литографированные издания «как и все запрещенное,

скорее могли найти покупателей, которые, впрочем, приобретая их, не только не выражали сочувствия к идеям, проводимым в недозволенных сочинениях, но нередко даже не читали оных, как это комиссией замечено из того, что некоторые <...> сочинения, найденные у обвиняемых, были вовсе не разрезаны», — писал М. Лемке в книге «Политические процессы в России 60-х годов» [Лемке, 1923, с. 42].

Впрочем, и разрешенных цензурой переводных научно-популярных сочинений в начале 60-х было с избытком. Роман «Преступление и наказание» в этом плане — своего рода энциклопедия общественной жизни России: прямые указания имен (Льюис, Кетле, Вагнер, Фурье, Пидерит, Ливингстон, Вирхоф), названия активно обсуждаемых статей и сочинений, новые спорные явления (например, получение женщинами медицинского образования) и прочие реалии времени. И одна из главных опасных реалий — это перенос закономерностей процессов в живых организмах в область социальных отношений общественной жизни, как, например, идеи социального дарвинизма, направление, спровоцированное известным Предисловием К.-О. Руайе к книге Ч. Дарвина «Происхождение видов». Происходило то, о чем настоятельно предостерегал Льюис: «<...> не должно никогда пытаться решать вопросы одной науки с помощью ряда понятий исключительно свойственных другой. Есть ряд понятий свойственный только физике, другой — принадлежащий химии, третий — физиологии, четвертый — психологии, пятый свойствен социальным наукам. Хотя все эти науки тесно связаны между собою, однако же каждая имеет свою независимую сферу, и эта независимость должна быть уважаема» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 48].

Целью настоящего исследования станет всего лишь одна из упомянутых в романе книг — «Физиология обывочной жизни» Джорджа Генри Льюиса. Некоторое время назад я уже обращалась к этому сочинению и именно в контексте романа «Преступление и наказание». Однако доклад Т.А. Касаткиной, на основании которого опубликована статья в этом номере¹, стал своего рода побудительной причиной и заново прочесть эту книгу, и глубже проследить ее участие в событиях романа.

¹ См.: [Касаткина, 2023].

У этой книги была странная судьба. С одной стороны она стала объектом яростной полемики между журналами «Русский вестник», «Отечественные записки» и «Время», с другой — «Ни один толстый литературный журнал до «Времени» не интересовался ею как самостоятельным объектом исследования», ее «цитировали, перетягивая на свою сторону, но толком не излагали идей самого английского ученого» [Першкина, 2012, с. 56]. И тем не менее, Достоевский проявил к этой книге самый пристальный интерес. Он вводит ее в романное пространство уже в самом начале повествования, в распивочной, где встречаются Раскольников и Мармеладов. Этот локус исключительно символичен, все происходящее и произносимое здесь значимо для всех последующих событий. Пьяный, опустившийся Мармеладов, призывающий в свое оправдание Евангелие, не вскользь упоминает, но четко называет и книгу, и ее автора, и ее главного «читателя» — дочь Соню.

Возникает естественный вопрос о причинах выбора Достоевским для романа «Преступление и наказание» именно этого сочинения.

Первоначально, в черновых записях к роману Лебезятников дает Соне вполне нейтральную общеобразовательную книжку что-то «об море и что внутри его есть» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 107]. Но в окончательной редакции появляется «Физиология обыденной жизни», в которой представлена материалистическая проекция естественнонаучных теорий на социальную и этическую сферы. Однако, в это время было множество других, не менее востребованных научно-популярных сочинений, «из которых читающая публика, по большей части представители среднего класса, могла самостоятельно, вопреки господствующей гласной и негласной цензуре, сделать антицерковные и антимонархические выводы» [Раздъяконов, 2017, с. 12].

Так что, практически любая книжка в Сониных руках, кроме каких-либо «Очерков природы» Гартинга, «Картин растительности земного шара» Л. Рудольфа или упомянутая в черновиках к роману «На берегу моря» Г. Льюиса могла бы стать предметом философско-теологической полемики. В том числе и сочинение Людвиг Бюхнера «Физиологические картины», изданное тогда же, в 1862 году, издательским домом А.И. Глазунова, и, так же как и сочинение Джорджа Генри Льюиса, имевшееся в библиотеке Достоевского.

Так, почему же — Льюис, а не, например, Бюхнер?

Людвиг Бюхнер был не столько философ, сколько философу ствующий ученый. Он занимался врачебной и судебно-медицинской практикой, преподавал, писал как профессиональные статьи для медицинских журналов, так и популярные — в общеобразовательных изданиях. В 1855 году Л. Бюхнер написал свой знаменитый труд «Kraft und Stoff (Сила и материя)», «в котором он сделал смелую попытку совершенно преобразовать теолого-философское мирозерцание того времени на основании современного естествознания и построенного на нем естественного миропорядка» [Бюхнер, 1907, с. 8 первой пагинации]. Собственно, благодаря этому сочинению, выдержавшему более 20 изданий, его имя стало широко известно в России.

Многие из изложенных Бюхнером в книге «Сила и материя» наблюдений и заключений нашли впоследствии научные подтверждения. Так, например, мысль Бюхнера о том, что «человек является в физическом и духовном отношении продуктом внешних и внутренних влияний, случайностей, предрасположений и т. д. и таким образом не представляет собою такого духовно независимого, свободно выбирающего существа, каким обыкновенно воображают его моралисты и философы» [Бюхнер, 1907, с. 273], перекликается с экспериментально установленной И.М. Сеченовым рефлекторной природой сознательной и бессознательной деятельности человека в его классической работе «Рефлексы головного мозга».

По причине целого ряда антирелигиозных утверждений книга Бюхнера «Сила и материя», в отличие от его «Физиологических картин», была впервые напечатана в России только в 1907 году. Однако в начале 60-х годов XIX века она публиковалась в многочисленных тайных литографированных изданиях Москвы и Петербурга. О ее популярности говорит хотя бы то, что в качестве рекламы в издательстве Глазунова на титульном листе «Физиологических картин» указано мелким шрифтом «сочинение Людовика Бюхнера, автора “Kraft und Stoff”». Философско-этическая концепция разумного эгоизма Бюхнера: «<...> эгоизма человеческой природы никогда не будут в состоянии устранить или подавить совершенно; и потому все дело сводится лишь к тому, чтобы направить его надлежащими путями, т. е. сделать его разумным и человеческим, стремясь согласовать его удовлетворение с благом всех и с интересами общества» [Бюхнер, 1907, с. 285], — была интерпретирована и представлена

в романе Чернышевского «Что делать?», а в романе «Отцы и дети» Базаров предлагает Николаю Петровичу Кирсанову вместо Пушкина «что-нибудь дельное почитать», например, написанное «популярным языком» «Бюхнерово “Stoff und Kraft ”» [Тургенев, 1954, с. 209]. Причем речь идет, вероятно, не о русскоязычном переводе, а об оригинальной, на немецком языке, литографированной «брошюре Бюхнера» девятого издания [Тургенев, 1954, с. 210].

Бюхнер, как ученый и практикующий врач писал о любых сложных предметах своей профессиональной области максимально ясным языком. Его «Физиологические картины» — это популяризация медицинских знаний в ее истинном значении, не лишенная, однако, критики современных ему философских воззрений. Идеальная познавательная книжка для понимания устройства человеческого организма и более чем уместная для Сониного общего образования. И потому неудивителен отзыв Д.И. Писарева, который переводил и реферировал эту книгу: «Я видел собственными глазами, что двадцатилетняя девушка, не имевшая никакого понятия о физиологии, с величайшим увлечением, почти не отрываясь от книги, прочитала три большие статьи из “Физиологических картин” Бюхнера» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 365].

И в то же время появление книги Льюиса у Сони, которая к 14 годам умела читать, писать, вести хозяйство и читать Евангелие, а в своем образовании «на Кире Персидском остановилась», вызвало справедливое недоумение критиков: «<...> обыкновенно столь верный художественной правде Достоевский допустил промах, ведь Сонечка не способна понять в сочинении Льюиса “ни бѣльмеса”» [Неделя, 1866, с. 73].

Несомненно, манера изложения Льюиса в разы сложнее простого и точного языка Бюхнера. Прежде всего, потому что Льюис по своему образованию и роду занятий — философ и литературный критик. В обширном списке его трудов есть только три обращения к естественнонаучным предметам: «На берегу моря. Зоологические этюды» (1858), «Физиология обыденной жизни» (1859) и «Изучение жизни животных» (1862). Своим современникам он был известен, прежде всего, как автор фундаментального труда «Биография Гёте».

«Физиология обыденной жизни» — не столько популяризация научных знаний, сколько философское их осмысление, поэтому повествование представляет собой множество неожиданных и про-

странных отступлений и сложных переходов, а обилие научных терминов и огромный объем обсуждаемого материала требуют от читателя хотя бы самого общего образования. А именно на отсутствии такового у Сони вроде бы категорически настаивает Достоевский.

Полагаю, что выбор в данном случае автора (Льюис, а не Бюхнер) продиктован рядом причин. Как уже было сказано выше, в символическом пространстве распивочной, где, по сути, задается все дальнейшее многоплановое развитие идейно-религиозной концепции романа, каждая деталь чрезвычайно значима. Упоминание книги естественно-научного содержания как и Кира Персидского (об этой персоналии подробно пишет Т.А. Касаткина [Касаткина, 2023]) связано с Сонечкиным «образованием» только на первый взгляд. И если бы вместо книги Льюиса Соня зачитывалась бы главами из «Физиологических картин» Бюхнера, то это прекратило бы дальнейшее участие книги в сюжетном пространстве романа.

Но именно философское осмысление Льюисом накопленных различными учеными данных практической физиологии, многочисленные подробно описанные им примеры физического состояния человека, вызывающие те или иные симптомы изменения его психического и душевного состояния, — это то, к чему обращается Достоевский на протяжении почти всего романа. Общеизвестные утверждения Льюиса выстраивают психологический портрет Раскольникова, они прослеживаются и в причинно-следственных связях событий романа, и в очевидном личном отрицании Достоевским ряда физиологических закономерностей и явлений, представленных Льюисом.

В сходных по названию книгах Льюиса (часть первая, изданная в 1861 году) и Бюхнера практически одни и те же основные разделы: «Сердце и кровь», «Теплота и жизнь», «Воздух и легкие». Но принципиальное отличие состоит в том, что вторая часть сочинения Льюиса (изданная в 1862 году) посвящена деятельности мозга, критике «теории рефлекса», определению с физиологических позиций таких философских понятий как «разум, воля, душевные движения». Бюхнер в «Физиологических картинах» излагает научные факты, придерживаясь позиции вульгарного материализма, следствием которого стало распространенное механистическое понимание деятельности организма, а Льюис, анализируя многочисленные работы, настаивает на том, что «механизм» этот, прежде всего «живой

и чувствительный» [Льюис, 1876, ч. 2, с. 191]. Исследуя описанные учеными физиологические особенности отделов мозга и закономерности произвольных и непроизвольных действий, он утверждал, что «Наши чувства имеют коренное свойство направлять нашу деятельность в ту или другую сторону», но «чтобы дойти до этой цели, нам необходима помощь самоопределения, опыта, ошибок» [Льюис, 1876, ч. 2, с. 203].

Однако, осознанность действий, как результата самоанализа, опыта и шибок — это, в конечном итоге, есть соотнесение поступков с нравственными установками того или иного социума. И это чрезвычайно важно именно для романа «Преступление и наказание», одна из главных идей которого — это нравственная ответственность человека за преступление. Но именно по поводу этой ответственности выступали авторы многочисленных журнальных статей, решая «вопросы одной науки с помощью ряда понятий исключительно свойственных другой». Так, например, В.А. Зайцев в статье «Естествознание и юстиция», используя убедительную для многих аргументацию «от науки», утверждал, что «всякое изменение в качестве и количестве составных частей мозга, крови, вещества нервов должно порождать соответствующие отклонения от нормального состояния в духовном и нравственном мире человека, в его воле, миросозерцании, понятиях, антипатиях и симпатиях» [Зайцев, 1934, с. 72–73]. И делал из этого заключение: «Всякое преступление, при каких бы обстоятельствах ни было совершено, есть внешнее выражение физиологических или патологических явлений нашего организма и, следовательно, может также мало влечь за собой ответственность, как какое-нибудь наружное уродство, например горб или кривизна шеи» [Зайцев, 1934, с. 83]².

Об этом, характерном для того времени явлении, Достоевский говорил в письме к Каткову, поясняя причины, толкнувшие его будущего героя романа на преступление: «Молодой человек <...> по

² С научной точки зрения эта, популярная в середине XIX века, научная теория о влиянии «внешних патологических явлений» на склонность к преступлениям выдержала проверку временем. Так, например, в конце 90-х прошлого века американскими учеными была обнаружена статистически значимая корреляция между использованием этилированного бензина, (бензина, содержащего тетраэтилсвинец) и насильственными преступлениями. Одна из причин — это накопление свинца в детском организме, что проявляется в формировании агрессивного и преступного поведения. Кроме того, существующее в современном уголовном кодексе понятие «убийство в состоянии аффекта» подразумевает именно внешнее проявление «физиологических состояний» организма.

шатости в понятиях, поддавшись некоторым странным “недоконченным” идеям, которые носятся в воздухе, решил разом выйти из скверного своего положения» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 310].

Одним из самых драматических физиологических явлений, способных толкнуть человека на преступление нравственных законов, автор «Физиологии обыденной жизни» считает голод. Голод, — утверждал Льюис, — «обращается в то всепоглощающее пламя, уничтожающее всё благородное в человеке. Голод побуждает его тогда к преступлению. Только голод может довести человека до того бессознательного состояния, когда он, забывая стыд, жалость и уважение к ближним, совершает столь позорные и гнусные дела, один рассказ которых уже нас заставляет содрогаться» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 2].

Психическое состояние Раскольникова с самых первых страниц связывается с его полуголодным существованием. И автор, и его герой, и Разумихин, и Настасья, и Соня, и Свидригайлов не перестают на протяжении всего повествования в той или иной форме напоминать читателю о хроническом голодании Раскольникова³.

«В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб: второй день как уж он почти совсем ничего не ел» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6], «внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10], «квартирная хозяйка его две недели как уже перестала ему отпускать кушанье, и он не подумал еще до сих пор сходить объясниться с нею, хотя и сидел без обеда» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 26], «все это на голодное брюхо!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 207], «ты был голоден!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 385].

Эти указания так же последовательно сопровождаются симптомами, описанными Льюисом: «общее истощение, лихорадочная возбужденность, забывчивость, переходящая иногда в умопомешательство» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 20]: Раскольников не помнил, как и почему пришел в трактир к Свидригайлову [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 356], Свидригайлов описывает Раскольникову его странное поведение на улице: «Вы смотрите и, очевидно, ни пред собою, ни по бокам уже ничего не видите. Наконец, начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой, причем иногда вы

³ Подробнее об этом см.: [Деханова, 2016, с. 70–71], [Деханова, 2023, с. 119–120].

высвобождаете руку и декламируете, наконец, останавливаетесь среди дороги надолго» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 357].

Однако, последовательно и настойчиво обращаясь к размышлениям Льюиса о физиологическом воздействии голода на сознание человека, Достоевский кардинально изменяет их полярность.

Говоря о том, что голод толкает на преступление, Льюис подразумевал освобождение примитивных инстинктов в человеке — убил за кусок хлеба: «<...> мы знаем, что матери забывали свою энергическую привязанность к детям и спорили с другими за мясо своих собственных детей» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 20].

Уже в самом начале романа, в распивочной, читатель узнает о некоей убийственной идее, придуманной Раскольниковым за долгие месяцы полуголодного лежания в каморке. Но вот что происходит после совершения им так называемой «пробы» — его охватывает паника: «И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!..»; «Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10]. Это внезапное нравственное смущение Достоевский объясняет по Льюису естественными реакциями организма. Но в диаметрально противоположном значении: Раскольников, который «внезапную слабость свою относил и к тому, что был голоден», «спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же всё отлегло, и мысли его прояснели». «Всё это вздор, — сказал он с надеждой, — и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, — и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 10–11].

То есть, эти «намерения» — пойти и убить — не голодный инстинкт, а «ясная мысль», осознанная, хоть и «недоконченная идея». «Быстрая готовность, с которой мы оставляем в стороне всё, что не соответствует нашим настоящим потребностям, есть воля, чистая, прочная, неизменная воля» — писал Льюис [Льюис, 1876, ч. 2, с. 208].

И если бы всё было по Льюису, если бы совершенное преступление было бы проявлением инстинктов, а не осознанной идеи, то «неподозреваемые и неожиданные» чувства не мучили бы

Раскольников: «Если б только я зарезал из того, что голоден был, <...> — скажет он впоследствии Соне, — то я бы теперь... счастлив был!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318]. Не было бы у Раскольникова нравственной потребности в наказании, которое страшнее, чем любое «юридическое наказание за преступление» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 310].

Об этих «инстинктах человеческой души», восставших против «отвлеченной теории» писал в своей рецензии на роман «Преступление и наказание» Страхов [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 353]. Это было главным замыслом Достоевского, обозначенным еще в письме к Каткову: «Закон правды и человеческая природа взяли свое, убили убеждения, даже без сопротивления» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 311].

Безусловно, эта позиция Достоевского не есть личное обращение только к Льюису, границы этой полемики были значительно шире. Но именно рассуждения Льюиса о голодных инстинктах легло в основу сюжета, сделав возможным последовательно аргументировать непреложность закона нравственности в отношении любых «странных идей, которые носятся в воздухе».

Но обращения к «Физиологии» не ограничиваются только душевным состоянием главного героя, они прослеживаются и в nasledованном романом «Преступление и наказание» замысле «Пьяненьких». То, что Соня «с большим интересом прочла и даже нам отрывочно вслух сообщала» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16] могло быть и рассуждением Льюиса о питательных свойствах алкоголя.

Позиция Льюиса в этом вопросе неоднозначна. Он разделяет мнение поборников трезвости в отношении пьянства, которое «сопряженное с невежеством и чувственностью, имеет следствия, от которых волосы становятся дыбом» и в то же время сожалеет, что ревность к делу приводит членов общества трезвости «к крайностям, противным здравому смыслу» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 108].

Утверждая, что «Физиологическое действие алкоголя не объяснено» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 109], он, тем не менее, категорически отрицает эффект привыкания, требующий увеличения дозы при регулярном его употреблении. Признавать алкогольную зависимость, по его мнению, — это «лгать против прямой очевидности» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 107].

Указывая на ядовитость концентрированного алкоголя, он считает ложным мнение, что «разведенный и в малых приемах

алкоголь способен сделать вред; прямым доказательством этого служит ежедневный опыт» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 106].

Но самое спорное заблуждение Льюиса, имеющее непосредственное отношение к роману Достоевского, — это утверждение, что алкоголь «сохраняет и укрепляет силы тела», «Всякий знает, что пьяница мало ест; для него алкоголь заменяет пищу» [Льюис, 1876, ч. 1, с. 109].

Кстати, Бюхнер в этом вопросе был максимально близок к современному пониманию участия алкоголя в биохимических процессах живого организма. Ссылаясь на исследования Уильяма Гаммонда, известного врача невролога, он указывал, что снижение потребности в пище происходит за счет замедления под воздействием алкоголя обмена веществ («метаморфозы веществ»)⁴. «Работник, которому недостает хлеба и мяса, поддерживает алкоголем свою силу и вес тела, конечно в последнем результате, — на счет своего общего здоровья и продолжительности жизни» [Бюхнер, 1862, с. 76].

Лояльность Льюиса к алкоголю категорически неприемлема для Достоевского. Пьянство осознавалось им не только как социальное зло, но и как грех в его религиозном понимании. Эта установка обозначена Достоевским уже в начале романа, все в той же распивочной. Упоминание законодательно невозможной в этом месте рыбы⁵, причем рыбы дурно пахнущей, — это убедительная ольфакторная оппозиция библейским цитатам Мармеладова, подкрепленная его прямой репликой — «Я звериный образ имею» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 14]⁶.

Замена по Льюису «питательным» алкоголем обыкновенной пищи — не благодеяние голодающей семье, но отнимание последнего куска хлеба. И Соня отдает последние 30 копеек, как уже раньше отдала себя за 30 целковых, чтобы Мармеладов не забрал что-либо «последнее» у жены и детей.

⁴ У. Гаммонд (William Alexandr Hammond) — американский военный медик, невролог. Автор многочисленных статей и исследований, одно из которых посвящено воздействию алкоголя и табака на человеческий организм (1856). В книге Льюиса это исследование не упоминается.

⁵ В соответствии с Положением о питейном сборе 1861 года, вступившем в силу в январе 1863 года: «В питейных домах, шинках и выставках дозволяется для закуски иметь только хлеб» [ПСЗ, 1830–1916, собр. II, т. XXXVI (1863), отд. 2, № 37197, с. 69–70].

⁶ Подробнее об этом см.: [Деханова, 2023, с. 122–124].

Продуктовый эквивалент этих 30 копеек на «опохмелье» лишь подтверждает, насколько справедлив упрек Катерины Ивановны: «Нас обкрадывал да в кабак носил, <...> И слава Богу, что помирает! Убытку меньше!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 144].

Анализируя средний уровень цен Москвы и Петербурга на основные продукты питания в интервале с 1825 по 1874 года, найденные в достоверных источниках и указанные в серебряных рублях, мы можем вычислить примерную стоимость, например, супа, приготовленного Настасьей — с картофелем, рисовой крупой и говядиной⁷.

Два фунта говядины 3-го сорта без костей — 12 копеек, (1 фунт — это 409 граммов), полфунта риса — 5 копеек, два с половиной фунта (1 кг) картофеля — 4 копейки, два фунта ржаного хлеба — 6 копеек и на оставшиеся 3 копейки — морковка и луковица в суп. То есть, выпитый Мармеладовым полуштоф (0,6 л) — это один полноценный обед на всю его семью. За те же 30 копеек можно было купить готовое горячее хлебово из говяжьей требухи в Обжорном ряду на Никольской площади в Петербурге (от 2 до 5 копеек порция), пища простая, грубая, но сытная.

Анализируя цены на продукты питания, не могу не упомянуть еще один важный эпизод в романе. А именно — намеренное указание Достоевским стоимости чая в «Хрустальном дворце».

«— Что вы чай-то не пьете? Остынет, — сказал Заметов. — А? Что? Чай?.. Пожалуй... — Раскольников глотнул из стакана, положил в рот кусочек хлеба» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 126].

За этот чай, после странного истерического монолога с Заметовым, Раскольников отдает всё те же 30 копеек. Но обычная чайная пара в трактире стоила от 3 до 10 копеек (чайник с заваркой, кипяток, пара кусочков сахара, в дополнение — хлеб или сухари). В меню 1880 года порция чая с белым хлебом в пароходном буфете со всеми его наценками стоила 20 копеек.

Все это позволяет предполагать иной смысл платы за чай: первая, неосознанная еще попытка признания в преступлении и 30 копеек, чтобы откупиться от этого наваждения: «<...> он знал, что делал, но не мог сдержать себя. Страшное слово, как тогдашний запор в дверях, так и прыгало на его губах: вот-вот сорвется; вот-вот

⁷ В качестве источников использовались: газеты «Московские ведомости» за 1825, 1842 и 1865 года, мемуарная литература [Воспоминания русских крестьян...], а также кулинарные справочники и руководства Ек. Авдеевой и Е. Молоховец.

только спустить его, вот-вот только выговорить! — А что, если это я старуху и Лизавету убил? — проговорил он вдруг и — опомнился» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 128].

В заключение следует еще раз обратиться к Соне. Несмотря на отсутствие общего образования, на сложный стиль повествования автора, она действительно внимательно прочла сочинение Льюиса. После признания Раскольникову первое, чем она пытается объяснить его поступок — это материалистическое представление о воздействии физиологии на нравственное сознание: «Соня стояла как бы ошеломленная, но вдруг вскричала: — Ты был голоден!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 317].

Рецензент «Недели» был неправ, отказывая Соне в способности читать серьезную литературу. Ее необразованность, о которой говорит Мармеладов, весьма относительна, так как Достоевский наделяет ее более ценным даром — умением думать и делать самостоятельные выводы. По словам того же Мармеладова она сложную книгу Льюиса «с большим интересом прочла и даже нам отрывочно вслух сообщала» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16]. Не читала текст, а именно «сообщала», то есть своими словами пересказывала прочитанное, а это невозможно без понимания мысли автора. О ее неординарности говорит и Лебезятников: «Она отлично понимает иные вопросы. Она великолепно, например, поняла вопрос о целовании рук, то есть что мужчина оскорбляет женщину неравенством, если целует у ней руку. <...> Об ассоциациях рабочих во Франции она тоже слушала внимательно» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 284]. Какой, однако, широкий диапазон интересов «необразованной» Сони — от физиологии до рабочего движения во Франции!

Но в какой-то момент Лебезятников, взявший на себя миссию «развивать Софью Семеновну» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 283], с сожалением отмечает: «Мне только очень досадно, что она в последнее время как-то совсем перестала читать и уже не берет у меня больше книг. А прежде брала» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 284]. Причины тут могут быть и самые бытовые, но Достоевский как бы мимоходом «проговаривается»: «<...> “прочти мне, <...> Соня, — говорит Мармеладов, — у меня голова что-то болит, прочти мне... вот книжка”, — какая-то книжка у него, — поясняет Соня, — у Андрея Семеныча достал, у Лебезятникова, тут живет, он такие смешные книжки всё доставал» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 244]. Соня переросла своего «учителя» — «глуповатого»,

смешного, «недоучившегося самодура», падкого на любую «модную идею».

Среди неких книжек по географии и всемирной истории, «нескольких книг содержания романического» и каких-то «смешных книжек» от Лебезятникова есть только две точно указанные книги, которые достоверно читает Соня — это «Физиология» и Евангелие.

И именно потому, что они связаны с Соней, эти книги не несут в себе какой-либо конфронтации или противопоставления. Они воспринимаются как единое поле вечных знаний, прошлых, настоящих и будущих.

Достоевского тревожил не научный прогресс как таковой, но вопросы научной этики, повсеместный, насильственный и бессмысленный перенос закономерностей органической природы в область социальных и религиозно-нравственных отношений.

Ведь даже бурно обсуждаемое и скандальное для того времени сочинение Ч. Дарвина «Происхождение видов...» не могло (и не может) по сути ни подтвердить, ни опровергнуть существование Бога. Но именно поверхностное восприятие научной сути этого учения, решение вопросов «одной науки помощью ряда понятий исключительно свойственных другой» внедряли в сознание людей исключительно атеистическую трактовку теории Дарвина, хотя она «лишь дает естественно-научное объяснение явлению исторического развития» [Кузнецов, 1995, с. 130–131].

На мучительный вопрос Раскольникова почему Соня «с своим характером и с тем все-таки развитием, которое она получила» «так слишком уже долго могла оставаться в таком положении и не сошла с ума, если уж не в силах была броситься в воду?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 247], Достоевский тут же отвечает сценой чтения Евангелия.

Возможно, именно религиозное сознание Сони и ее природный ум, способный осмыслить научные реалии нового мира — это идеалистическая модель сосуществования науки и религии, к которой стремился Достоевский.

Список литературы

1. Бюхнер, 1862 — Бюхнер Л. Физиологические картины. М.: Изд. книгопродавца А.И. Глазунова, 1862. 232 с.

2. Бюхнер, 1907 — *Бюхнер Л.* Сила и материя. СПб.: Изд. А. Васильева, 1907. 291 с.
3. Воспоминания русских крестьян... — Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века / вступ. ст. и сост. В.А. Кошелева. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 778 с.
4. Деханова, 2016 — *Деханова О.А.* Немного чая в холодной воде или опыты практической физиологии // Достоевский и современность. Материалы XXX Международных Старорусских чтений 2015 года. Великий Новгород, 2016. С. 64–72.
5. Деханова, 2023 — *Деханова О.А.* Питейные заведения в романе «Преступление и наказание». Художественная деталь в правовом поле питейной реформы 1861 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2. С. 106–127. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-106-127>
6. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Зайцев, 1934 — *Зайцев В.А.* Избр. соч.: в 2 т. М.: Изд. всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. Т. 1. 550 с.
8. Касаткина, 2023 — *Касаткина Т.А.* Кир Персидский и «Физиология» Льюиса в «Преступлении и наказании» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4. С. 93–128. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-93-128>
9. Кузнецов, 1995 — *Кузнецов О.Н.* Научная работа Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» в восприятии Достоевского // Достоевский и современность. Материалы IX Международных Старорусских чтений 1994 года. Новгород, 1995. С. 127–131.
10. Лемке, 1923 — *Лемке М.К.* Политические процессы в России 1860-х гг. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 684 с.
11. Льюис, 1876 — *Льюис Д.Г.* Физиология обыденной жизни. М.: Тип. С. Орлова, 1876. 397, IX с.
12. Неделя, 1866 — Неделя. 1866. №5 от 10 апреля.
13. Першкина, 2012 — *Першкина А.Н.* Неизвестная рецензия Н.Н. Страхова на «Физиологию обыденной жизни» Г. Льюиса // Русская филология: сб. научных работ молодых филологов. 2012. Вып. 24. С. 51–57.
14. ПСЗ, 1830–1916 — Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1916.
15. Раздьяконов, 2017 — *Раздьяконов В.С.* Физиологи против теологии: наука как источник секуляризации в идеологии научного материализма XIX столетия // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 74. С. 27–43.
16. Тургенев, 1954 — *Тургенев И.С.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1954. Т. 3. 411 с.

References

1. Büchner, Ludwig. *Fiziologicheskie kartiny [Physiological Pictures]*. Moscow, Izdanie knigo-prodavtsa A.I. Glazunova Publ., 1862. 232 p. (In Russ.)
2. Büchner, Ludwig. *Sila i materiia [Force and Matter]*. St. Petersburg, Izdanie A. Vasil'eva Publ., 1907. 291 p. (In Russ.)
3. Koshelev, V.A., editor. *Vospominaniia russkikh krest'ian XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Memories of Russian Peasants 18th – Beginning of the 19th Centuries]*. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2006. 778 p. (In Russ.)

4. Dekhanova, O.A. "Nemnogo chaia v kholodnoi vode ili opyty prakticheskoi fiziologii" ["A Little Tea in Cold Water, Or Experiments in Practical Physiology"]. *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy XXX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 2015 goda [Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings from the 30th International Readings in Staraya Russa 2015]*. Veliky Novgorod, 2016, pp. 64–72. (In Russ.)
5. Dekhanova, O.A. "Piteinye zavedeniia v romane 'Prestuplenie i nakazanie'. Khudozhestvennaia detal' v pravovom pole piteinoi reformy 1861 goda" ["Drinking Establishments in the Novel *Crime and Punishment*. An Artistic Detail in the Legal Field of the Drinking Reform of 1861"] *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2023, pp. 106–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-106-127>
6. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh [Complete Works: in 30 vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Zaitsev, V.A. *Izbrannye sochineniia: v 2 tomakh [Selected Works: in 2 vols]*, vol. 1. Moscow, Izdanie vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1934. 550 p. (In Russ.)
8. Kasatkina, T.A. "Kir Persidskii i 'Fiziologiia' Liuisa v 'Prestuplenii i nakazanii'" ["Cyrus of Persia and Lewes' *Physiology* in the Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (24), 2023, pp. 93–128. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-93-128>
9. Kuznetsov, O.N. "Nauchnaia rabota Ch. Darvina 'Proiskhozhdenie vidov putem estestvennogo otbora' v vospriatii Dostoevskogo" ["Charles Darwin's Work *The Origin of Species by Natural Selection* in Dostoevsky's Perception"] *Dostoevskii i sovremennost'. Materialy IX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chtenii 1994 goda [Dostoevsky and Contemporary Age. Proceedings from the 9th International Readings in Staraya Russa 1994]*. Novgorod, 1995, pp. 127–131. (In Russ.)
10. Lemke, M.K. *Politicheskie protsessy v Rossii 1860-kh gg. [Political Processes in Russia in the 1860s]*. Moscow; Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 684 p. (In Russ.)
11. Lewes, G.H. *Fiziologiia obydennoi zhizni [Physiology of Common Life]*. Moscow, Tipografiaia S. Orlova Publ., 1876. 397 p. (In Russ.)
12. *Nedelia*. no. 5, 1866. (In Russ.)
13. Pershkina, A.N. "Neizvestnaia retsenziia N.N. Strakhova na 'Fiziologiiu obydennoi zhizni' G. Liuisa" ["An Unknown Review by Nikolay Strakhov on H. Lewes' *Physiology of Common Life*"]. *Russkaia filologiia: sb. nauchnykh rabot molodykh filologov*, no. 24, 2012, pp. 51–57. (In Russ.)
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]*. Col. II, vol. XXXVI, part 2, no. 37197, St. Petersburg, Tip. II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii Publ., 1863. 673 p. (In Russ.)
15. Razd'iakonov, V.S. "Fiziologi protiv teologii: nauka kak istochnik sekuliarizatsii v ideologii nauchnogo materializma XIX stoletiiia" ["Physiologists versus Theology: Science as a Source of Secularization in the Ideology of Scientific Materialism of the 19th Century"] *Vestnik PSTGU. Seriia I: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, no. 74, 2017, pp. 27–43. (In Russ.)
16. Turgenev, I.S. *Sobranie sochinenii v 12 tomakh [Works: in 12 vols]*, vol. 3. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1954. 411 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.11.2023
 Одобрена после рецензирования: 27.11.2023
 Принята к публикации: 28.11.2023
 Дата публикации: 25.12.2023

The article was submitted: 01 Nov. 2023
 Approved after reviewing: 27 Nov. 2023
 Accepted for publication: 28 Nov. 2023
 Date of publication: 25 Dec. 2023